
**МАРИЯ
ВОРОНОВА**

~~~~~ роман ~~~~~

**СУДЬБА
БЕЗ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Книги Марии Вороновой
для тех, кто не ждет от жизни чудес, а знает, что счастье
в семье дается ежедневной
заботой, любовью, верностью
и преданностью.

А. МАРИНИНА

Мария Владимировна Воронова

Судьба без обязательств

Серия «Большая любовь.
Романы М. Вороновой»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42150699

Судьба без обязательств: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-101133-8

Аннотация

После смерти жены прошло больше года, и Георгий Пестряков чувствует, что пора возвращаться к жизни. Красавица Аня – дочь друзей семьи, идеально подходит на роль новой спутницы жизни, она умна, красива и интеллигентна. А многолетняя любовница Нина пусть остается в прошлом, ей нет места в новом счастье Пестрякова. Он уже готовится к свадьбе, но тут у подполковника полиции Зиганшина появляются сомнения: а действительно ли Карина Пестрякова была убита сумасшедшим или это инсценировка?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Мария Владимировна Воронова

Судьба без обязательств

© Воронова М., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

– Главное участие, – ухмыльнулся сын.

Никто ему не ответил. Мама, многозначительно поджав губы, размешивала сахар в чае, и Георгий подумал, что нынешние дети все-таки совсем другие. Или через поколение понижающая сила взгляда ослабевает?

Он отодвинул чашку и промокнул губы салфеткой.

– Этот лозунг оставь, пожалуйста, для неудачников, – сказал Георгий, – настоящий мужчина должен стремиться к победе.

– Ну не срослось, так что ж теперь? – Сын подтянул к себе тарелочку с колбасой и, увидев, что нарезанные кружочки закончились, взял нож и отхватил себе довольно толстый кусок.

От мамы повеяло холодом.

– Интеллигентность человека, – сказала она значитель-

но, — видна по тому, насколько толсто он режет колбасу.

— А зависимость прямая или обратная?

— Безусловно, обратная, Алексей. Колбасы вообще не должно быть в рационе культурного человека, и мне очень жаль, что, приходя к вам, я всякий раз вижу ее на столе.

Сын засмеялся и стал есть свой некультурный бутерброд. Георгий нахмурился.

— Твоя развязность неуместна, — процедил он, — а что ж теперь делать, я тебе сейчас скажу. Ты должен тщательно проанализировать свои действия, понять, в чем ошибся, что упустил и что необходимо предпринять, чтобы в следующий раз победить. Не впадай в отчаяние от поражения, но извлекай из него уроки.

Пылко обещав извлечь, Алексей вскочил из-за стола с недоеденным бутербродом в одной руке, другой зачерпнул из вазочки конфет и умчался к себе в комнату.

Мама неодобрительно покачала головой.

— Все-таки без матери он сильно распустился, — вздохнула она, — ты потакаешь ему, а кончится тем, что он начнет спекулировать на своем сиротском положении, если уже не начал.

— Мама, не волнуйся, он неплохой парень.

— Но ведет себя как неандерталец. Карина все-таки держала его в руках, а ты...

Она встала, легонько коснувшись его плеча, и стала убирать со стола. Георгий с удовольствием наблюдал за ее точ-

ными ловкими движениями. После рождения сына он привык называть маму бабушкой, но слово это совершенно к ней не подходило. Бабушки уютные, сдобные, с седым пучочком, а мама быстрая и сухопарая, как стрекоза.

– Все равно он вышел бы максимум на городскую олимпиаду, а это ничего не дает в плане поступления, – сказал Георгий тихо, чтобы сын не расслышал.

– Помни, что в нашей семье не принято признавать поражение еще до того, как вступил в борьбу. Кстати, ты не звонил Анечке Сергеевой?

– А кто это?

– Ну как же, сынок! Дочка Анатолия Михайловича, за которой ты так явно ухаживал на юбилее Томашевского.

Георгию пришлось сделать небольшое усилие, чтобы вспомнить Анечку.

– Мама, я просто старался быть вежливым.

Она улыбнулась:

– Не лукавь, сынок. Всем было видно, что она понравилась тебе, и это неудивительно. Аня – чудесная девочка!

– Вот именно девочка.

– Ей тридцать пять лет, Георгий, так что твой интерес не покажется чем-то... – Не найдя подходящего слова, мама пошевелила пальцами. – В конце концов, после гибели Карины прошел целый год.

– Всего год.

– Георгий, никто не требует, чтобы ты завтра же сделал

предложение, но сводить даму поужинать ты, безусловно, можешь. Я говорила с Танюшей, она не возражает, если ты проявишь активность, а раз мать девушки не против, то другие тебя точно не осудят.

Георгий обещал позвонить Анечке. Мама тут же извлекла из сумки свой мобильный и заставила записать телефон девушки. Георгий со вздохом покорился.

Проводив маму до машины, он вернулся домой и помедлил на пороге. Надо бы зайти к сыну, обсудить его поражение на олимпиаде по английскому языку и принять необходимые меры. Или заставить его заниматься больше, или взять репетитора. Мама права: не всего год, а целый год. Пора уже учиться наравне с другими, потому что выпускной класс. Сын вступает во взрослую жизнь, в которой никому не будет интересно, что у него умерла мать. Алеша должен понять, что оправдания вообще никто не станет слушать, а просто всё новые и новые двери будут захлопываться у него перед носом, если он не приложит максимум сил.

Георгий сделал шаг к комнате сына, но отчего-то застыл перед зеркалом. Пригладил волосы, жесткие и густые. Даже в неярком свете одинокой лампочки над входной дверью было заметно, что седины прибавилось, особенно на висках. Макушка еще черная, а виски – белые, будто не голова, а крыло какого-нибудь стервятника. Георгий знал, что похож на черта, но нравится женщинам, так что Анечка, скорее всего, не

обидится, если он куда-нибудь ее пригласит.

Он взялся за ручку двери, но услышал приглушенный голос сына и остановился. Пусть общается с друзьями.

Воспитанием ребенка и вообще всеми семейными делами занималась Карина, и теперь, оставшись вдвоем, отец и сын не знали, что сказать друг другу. Хорошо, что мама помогает Алеше справиться с утратой, но этого, наверное, все-таки мало. Мама права, мальчик становится развязным, невнимательным, да и просто невоспитанным. Разве при Карине можно было себе представить, чтобы он без спроса выходил из-за стола с едой в руках? Да ни в коем случае! И тут отцу бесполезно проявлять строгость, потому что хорошим манерам мужчина учится только рядом с женщиной.

Георгий прошел к себе и сел за компьютер, собираясь поработать, но перед глазами вдруг возникло лицо Ани и заклопотило строки рапортов и докладов. Действительно, он тогда весь вечер развлекал Анечку Сергееву не только из вежливости.

Откинувшись на спинку кресла, Георгий зажмурился, вспоминая невыносимо скучный юбилей, на который он не хотел идти, но мама настояла. Очень может быть, именно для того, чтобы обеспечить незамужнюю Анечку кавалером. Георгий и раньше встречал Сергееву на таких масштабных мероприятиях, как свадьбы, юбилеи и похороны, но он был женатый человек, не приглядывался к девушке, хотя замечал, что она очень мила, и тут же забывал о ней до следую-

щего торжественного сборища.

У Томашевского их посадили рядом. Аня улыбнулась ему открыто и ласково, он выдавил из себя что-то светское и хотел этим ограничиться, но неожиданно для обоих у них завязался увлекательный профессиональный разговор. Аня служила старшим помощником прокурора по связям со средствами массовой информации, а он – начальником ОРЧ¹ собственной безопасности ОВД, так что им было о чем поговорить.

А когда в зале приглушили свет и заиграла музыка, Георгий повел Аню танцевать, положил руку на ее тонкую талию, вдохнул аромат волос, почувствовал в своей ладони тепло ее руки и то, что они секунду назад страстно обсуждали, показалось совершенно неважным.

Анечка танцевала прекрасно, она будто предвосхищала каждое его движение, и Георгий подумал, что когда-нибудь, в другой обстановке, вдали от чужих глаз, было бы неплохо вспомнить, чему его учили в хореографическом кружке, и станцевать танго с этой женщиной.

Скучный протокольный юбилей обернулся приятным вечером, но, вернувшись домой, Георгий тут же забыл про

---

¹ ОРЧ – оперативно-розыскная часть собственной безопасности органов внутренних дел, подразделение, на которое возложены функции государственной защиты сотрудников органов внутренних дел, предупреждение проникновения в ОВД людей, преследующих противоправные цели. Также сотрудники ОРЧ СБ выявляют и пресекают преступления со стороны сотрудников органов внутренних дел.

Анечку и не думал о ней до сегодняшнего дня, пока мама не напомнила.

Энергично, до хруста в суставах, потянувшись, он открыл сайт прокуратуры и быстро нашел Анечкину фотографию. Форма отлично сидела на ее стройной фигуре, а сдержанная красота и благородство черт ясно проступали даже на плохоньком официальном снимке.

Георгий внимательно посмотрел в большие серьезные глаза. Действительно, чудесная девочка. Как сказала бы мама, «нашего круга». Поэтому до сих пор и одинока: умному и тонкому человеку трудно найти себе пару.

Она могла бы стать ему хорошей женой, а он ей – хорошим мужем. И с Алешкой она поладит и сделает так, что он снова начнет вести себя прилично.

Ему ведь было с ней хорошо и интересно. А любовь... А любовь – это такая штука, которую люди делают сами, и не за один день и даже не за один год.

* * *

Зиганшин выключил компьютер, запер сейф и только начал одеваться, как дежурный доложил о посетителе.

– Быстро и по существу, – сказал он вошедшему Максиму Голлербаху, стоя возле шкафа в наполовину надетой куртке, будто гусар.

– Есть один непонятный пациент, – отрапортовал прия-

тель, – очень странное дело.

Зиганшин скривился:

– Макс, вот сейчас реально не до этого. У меня новая должность, дома пятеро детей, шестой на подходе...

– Ого! – встрепенулся Макс. – А как это?

– Да черт его знает! Фрида что-то замутила с суррогатным материнством, я не вникал. Просто жду, когда она мне в подоле принесет.

Максимилиан Голлербах знал о том, что подполковник Зиганшин воспитывает двоих детей погибшей сестры, а после смерти их с женой собственного новорожденного сына и ее тяжелой операции усыновил еще троих. Весть о новом ребенке и суррогатном материнстве он воспринял с удивлением:

– А... Что ж, поздравляю!

– Пока не с чем, – нахмурился Зиганшин. – Та женщина, что вынашивает, еще может решить оставить ребенка себе или мало ли что. Просто, Макс, поверьте, что сейчас вы меня вот ничем не заинтересуете. Любая сенсация будет мимо.

Макс вздохнул и картинно развел своими длинными руками.

– И на совесть давить бесполезно, так же как и взывать к лучшим чувствам, – быстро предупредил Зиганшин.

– Ну что ж... – взглянув на темное окно вместо зеркала, Макс поправил и без того идеально сидящее кашемировое пальто, – тогда мне остается только извиниться за неожидан-

ный визит и откланяться.

Зиганшин многозначительно кивнул, влез во второй рукав куртки, взял ключи и не выдержал.

– Да что? – спросил он, с грохотом отодвигая стул и садясь. – Что за дело-то такое?

Макс тут же уселся напротив:

– Пациент этот попал в поле моего зрения уже довольно давно. На первый взгляд дело его представляется очевидным, и очень может быть, что я не решился бы вас беспокоить своими смутными сомнениями, но сейчас проезжал мимо и вдруг подумал: а почему бы и нет?

Зиганшин понял, что это словоблудие может продолжаться очень долго, если не принять соответствующих мер.

– Фамилию можете сказать? – быстро перебил он.

Зиганшин и Голлербах приятельствовали уже несколько лет, но все еще были на «вы» – в знак особого уважения друг к другу и тому, чем каждый из них занимается.

– Думаю, да. Поскольку я не собираюсь сообщать вам никакой информации, кроме той, что содержится в решении суда, то нарушения врачебной тайны тут не будет.

– Макс, вот реально...

– Климчук его фамилия.

– Ах, этот! Ну тут все ясно как раз. Seriously, не берите в голову. Погибла жена крупного полицейского начальника, так что поверьте, тут отработали как надо. Лично у меня нет ни малейших сомнений в его виновности. Да и у любого че-

ловека в здравом уме их не может быть.

– Значит, я не в здравом. Или утратил квалификацию. Не знаю, в чем дело, но никак у меня не вяжется, что дурачок Климчук является еще и хладнокровным убийцей. Мстислав, вы его видели?

Зиганшин отрицательно покачал головой.

– Тогда поверьте мне, что это жалкое, глубоко несчастное существо, неспособное к самоконтролю и к каким-либо эмоциям, кроме биологических инстинктов. И все же он страдает оттого, что общество объявило его убийцей.

Зиганшин усмехнулся, чем, кажется, разозлил Макса.

– Безусловно, мы должны принимать все меры, чтобы обезопасить себя от выходов подобных субъектов, но и их права здоровое общество тоже обязано соблюдать. В частности, не наказывать их за то, что они не совершали.

– Совершали, – улыбнулся Зиганшин и поднялся, – зуб даю.

– Но не вы же вели следствие?

– Нет, не я. Только там муж убитой – полковник полиции. Это крупная фигура.

– И?

– И если бы там оставались хоть какие-то сомнения, он бы из следователя душу вынул. Но он удовлетворился результатами, а нам-то с вами зачем быть святее папы римского? В конце концов, Климчука не приговорили, а направили на принудительное лечение, ну так ему по-любому в психуш-

ке самое место. Что изменится, если мы докажем, что он не убийца?

– В его судьбе, в сущности, ничего, разве что на амбулаторное лечение пораньше отпустят, но еще большой вопрос, где ему лучше, в стационаре или дома.

– Ну вот видите, – нетерпеливо сказал Зиганшин, выходя в коридор и отыскивая в связке нужный ключ. Он еще не привык к переменам, что у него новая должность, новый кабинет и новый ключ, а скоро будет и новое звание.

– И все же какие-то рудименты нравственного чувства не дают Климчуку покоя, и он упорно твердит, что никого не убивал.

Зиганшин пожал плечами и заметил, что такое бывает. Не так уж редко злодеи отпираются даже при очевидных доказательствах их вины, но факты – вещь упрямая.

– Вот именно, – сказал Макс, – и я, поверьте, ориентируюсь не на голословные утверждения олигофрена, а на свой, смею надеяться, богатый клинический опыт, который подсказывает мне, что при таком течении заболевания, как у Климчука, пациенты не способны на продуманное убийство.

– Исключения подтверждают правила, – буркнул Зиганшин.

Прятели не поссорились, но расстались холодновато. Понятно, профессор Голлербах обиделся, что Зиганшин не прислушался к его профессиональному чутью, но в деле Климчука все кристально ясно. При других обстоятельствах

он еще поиграл бы с профессором в великих сыщиков, но не теперь, когда его только назначили на должность начальника отдела.

Нужно принимать дела, осваиваться с новыми обязанностями, налаживать контакты с подчиненными, и семейные проблемы тоже за него никто решать не станет. Еще до жень-тубы, когда в его доме появились только племянники Света и Юра, Мстислав Юрьевич стал смутно понимать, что надо переезжать в город, но все время убеждал себя, что не надо. Что на свежем воздухе лучше. Но больше тянуть нельзя. Старших надо определять в нормальную школу, усыновленную вместе с новорожденными близнецами пятилетнюю Светочку – в детский сад, и близнецам тоже в самое ближайшее время понадобится цивилизация. А скоро Фрида притащит еще одного младенца, и наступит вообще крошечный мрак. Проводить по три с половиной часа в день за рулем – непростительная расточительность для отца большого семейства. Надо подыскивать жилье возле работы. Кроме дома в деревне, который Зиганшину хотелось сохранить, чтобы жить там хотя бы летом, у него была просторная квартира, но туда в незапамятные времена заселилась мама с отчимом, и уезжать совсем не хотела. Вместо этого она предложила продать свою квартиру и двушку Виктора Тимофеевича, а на вырученные деньги можно будет приобрести очень приличный вариант для сына и его большой семьи. Основную часть хлопот мама взяла на себя, но все равно надо участво-

вать, смотреть предлагаемые квартиры, пробивать владельцев и потенциальных покупателей.

Словом, забот столько, что профессиональные сомнения Макса насчет какого-то безумца никак не вписываются в плотный график без пяти минут полковника Зиганшина.

И все же он, как только выехал из города, стал думать об этом деле, наделавшем в свое время столько шума.

Тело Карины Александровны Пестряковой было обнаружено во дворе жилого дома около полуночи.

Труп был не очень тщательно спрятан в кустах возле гаражей, но зимой темнеет рано, поэтому его, скорее всего, не обнаружили бы до утра, если бы припозднившегося с выносом мусора жильца не привлек звук мобильного телефона, доносящийся из самого укромного уголка двора.

Убедившись, что видит перед собой мертвое тело, человек позвонил в полицию. Личность погибшей установили быстро: в большой спортивной сумке обнаружили не только плавательные принадлежности, но и паспорт, и мобильный телефон, на дисплее которого отражалось множество пропущенных звонков от сына. Парень встревожился, что мать вовремя не пришла из бассейна, сначала звонил, потом побежал ее разыскивать. Оперативник перехватил его возле спортивного комплекса, окольными путями отвел домой, где дождался бабушку, и только тогда сообщил мальчику печальную новость. Муж Карины Александровны в тот день находился в командировке в Москве и смог вернуться толь-

ко под утро.

Семья была состоятельная: муж – полицейский начальник, жена – главврач одной из городских больниц, но на элитные апартаменты пока только копили, а жили в хорошей квартире в хорошем районе сталинских домов. Это было действительно тихое, спокойное место, в котором редко случались даже обычные драки, а убийства и изнасилования так и вовсе никогда. Поэтому район считался безопасным, хоть в нем не было ни охраняемых закрытых дворов, ни даже видеокамер. Просто безопасный, и все тут. Жители без особых опасений оставляли под окнами свои дорогие иномарки и спокойно выходили из дому в поздний час, если возникала такая необходимость.

Поэтому Карина Александровна не боялась возвращаться пешком из бассейна, где плавала каждый четверг с двадцати одного до двадцати двух часов.

Она активно пользовалась своей машиной, но бассейн располагался так неудачно, что от дома Пестряковых до него было десять минут пешего ходу, а на машине – все полчаса плюс трудности с парковкой. В далекие советские времена, когда строился этот бассейн, никто не мог предположить такое обилие у граждан личного транспорта, и стоянки в проект не забивали.

Обычно Карина Александровна возвращалась без двадцати одиннадцать, и сын сразу встревожился, когда мать не появилась в назначенное время.

Взрослый человек стал бы себя успокаивать, придумывать разные невинные оправдания, но паренек сразу бросился на поиски, не прекращая названивать матери. К счастью, он пробежал другим двором и был избавлен хотя бы от того, чтобы видеть мертвую мать, лежащую в грязи.

Как только выяснили, что жертвой является жена начальника собственной безопасности, сразу выдвинули версию, что убийство связано с профессиональной деятельностью мужа, и версия эта продержалась вплоть до осмотра тела.

Женщина была задушена с помощью плетеной полиэфирной веревки, но на пальто нашли совершенно недвусмысленные следы спермы, а в кармане записку, выполненную от руки, со словами «Валя, Валентина, что с тобой теперь, белая палата, крашеная дверь». Зиганшин не знал, что это слова из поэмы Багрицкого «Смерть пионерки», когда он учился, из школьной программы уже изъяли это людоедское произведение, но теперь вот выпал случай ознакомиться. Он прочитал и не понял, очень дурно это или очень хорошо, но, во всяком случае, художественной силы хватило, чтобы вдохновить маньяка на подвиги.

Почерк в записке был не то чтобы плохой, а какой-то детский, неустойчивый и неровный. Как выразился судебный медик, «либо дебил писал, либо врач».

От первоначальной версии отказываться тем не менее не спешили. Мужа протрясли вдумчиво и очень добросовестно, но безуспешно. Георгий Владимирович Пестряков был

то, что называется честный мент. Взятки не брал не в том смысле, что не попадался, а действительно не брал. Зиганшин чрезвычайно уважал Георгия Владимировича даже в темную пору своей жизни и знал, что многие товарищи по оружию разделяют его чувства. Пестряков изобличал оборотней в погонах, но поступал с ними справедливо, без лишней жестокости, и оперативникам не удалось найти ни одного человека, которого так источила бы жажда мести, что он решился на преступление.

Не забыли они и другую сторону работы Георгия Владимировича. Собственная безопасность занимается не только чисткой рядов, но и защитой сотрудников. Здесь тоже не за что оказалось зацепиться.

Вскользь прошлись по версии убийства жены мужем, просто потому, что это так же необходимо, как ежегодная флюорография. Стандарт.

Только у Пестрякова было неопровержимое алиби, и вообще семья жила мирно и хорошо, Георгий Владимирович и Карина Александровна считались красивой и дружной парой. Несмотря на то что супруги много работали, делали карьеру, они не утратили связей с друзьями юности и родственниками, часто ходили в гости и устраивали вечеринки сами – словом, имели широкий круг общения.

«Действительно, наверное, дружная и счастливая семья, – вздохнул Зиганшин, – когда люди живут в радости, с лаской, то хватает сил на всякую такую лабуду вроде тусовок. Это

злость забирает всю энергию. Хотя я бы на них посмотрел, как бы они запели с пятью детьми. Всю великосветскость как ветром сдуло бы».

Да, в общем, было не так уж важно, любили друг друга Пестряковы или нет, потому что в материальном плане Георгий Владимирович ничего не выигрывал от смерти супруги. Если уж он так сильно не хотел с нею жить, проще было решиться на развод, чем на убийство.

Вяленько поковыряли версию, что убийство связано с профессиональной деятельностью самой Карины Александровны. Все же она была главный врач крупной городской больницы, но в должность вступила всего за полгода до смерти и вряд ли успела за этот срок настолько сильно раскатать паутину коррупционных связей, что потребовалось срочно устранить строптивного руководителя.

Подробности смерти Пестряковой не разглашались, но, как это всегда бывает, среди сотрудников быстро стали известны, и одна паспортистка пришла к следователю с рассказом, что несколько месяцев назад с ней произошел похожий случай. Только напали на нее не в уединенном дворе, а, совсем наоборот, в переполненном салоне автобуса, и она даже не сразу поняла, что происходит. Просто чувствовала, что кто-то слишком активно трется возле, и, только выйдя из транспорта, обнаружила на плаще сперму, а в кармане — записку с теми же самыми строками, что и у Пестряковой. В дежурную часть она, естественно, не обратилась, потому

что понимала, что коллеги будут стоять до последнего, а заявление не примут. Женщина просто выкинула плащ вместе с запиской, отмылась в семи водах и постаралась забыть о неприятном инциденте.

Проверили обращения граждан, аккуратно опросили оперативных дежурных: да, женщины периодически жаловались на половых извращенцев, но о записке никто не говорил.

Это исключало и без того фантастическую версию, что муж, по службе имеющий доступ к оперативной информации, узнал о маньяке и решил имитировать его почерк, чтобы избавиться от постылой жены.

Молодые и креативные оперативники решили действовать через социальные сети, опубликовав там несколько постов с просьбой всем женщинам, кто получал такие записки, связаться с ними и рассказать об этом.

Откликнулись шесть пострадавших, из которых только на двух напали до убийства Пестряковой. Маньяк действовал как под копирку – прижимался в автобусе или в толчее торгового центра, быстренько эякулировал, пока жертва не успевала понять, что вообще происходит, совал в карман или в сумочку записку и убегал. К счастью, география всех нападений, включая убийство Пестряковой, оказалась очень узкой, район возле одной станции метро, и оперативники довольно быстро вычислили Климчука и взяли его с полным карманом записок, которые он еще не успел вручить своим

жертвам.

Судьба этого уже немолодого человека сложилась очень несчастливо. Саша Климчук родился у нормальных родителей в нормальной семье, и сам до двенадцати лет был совершенно нормальным, умным и способным ребенком. Счастливое советское детство подарило ему намертво засевшие в памяти строки Эдуарда Багрицкого и клещевой энцефалит, полученный в походе по местам боевой славы.

Зиганшин вздохнул. В те годы укус клеща был экзотикой, и никто не принимал эту опасность всерьез. Не подсказали парнишке, что нужно ходить по лесу в сапогах, а вернувшись домой, обязательно переодеться и осмотреть себя. Бедный Саша вообще, наверное, не знал, чем опасен клещ, поэтому ничего не сказал родителям, а когда разобрались, что к чему, время было безнадежно упущено. Физически Климчук поправился, но превратился в дурачка.

Родители стоически перенесли этот удар и отлично ухаживали за сыном, тем более что он вел себя спокойно. Отец был крутым специалистом в области радиоэлектроники, неплохо зарабатывал, во всяком случае, мог позволить себе нанимать для Саши компаньона, так что бедняга не выходил на улицу самостоятельно, но за год до убийства Пестряковой старший Климчук умер. Саша остался вдвоем с матерью, которая не работала с тех пор, как сын заболел, соответственно получала минимальную пенсию и платить компаньону больше не могла. Она вообще считала, что компаньон

— это прихоть, а не жизненная необходимость. Саша понимает, кто он такой, любит родителей, знает, где живет, ориентируется в пространстве в пределах микрорайона, не забывает выключать воду, газ и электричество. Он даже за хлебом способен сходить. Почти нормальный человек, только получает пенсию по инвалидности. Можно предоставить ему больше свободы, чем было при муже. Старушке очень хотелось почувствовать себя матерью взрослого самостоятельно-го сына — вполне понятное желание, только вот, к сожалению, здоровье человека, в том числе психическое, это такая штука, которая не подчиняется управленческим решениям.

Естественно, Климчук не докладывал матери, чем занимается на прогулках, а поскольку открыл для себя новый увлекательный способ снятия сексуального напряжения, то дома его поведение изменилось только к лучшему. Он стал спокойнее, живее, добрее, и мать укрепилась в мысли, что тотальный надзор вредил Сашеньке. Поэтому, когда ей порекомендовали лечь в стационар на несколько дней, старушка согласилась. Саша обещал хорошо себя вести, но одиночество и свобода подкосили его и без того шаткую психику, вот он и решился на убийство.

Мать находилась в больнице, и алиби сыну составить не могла, но даже если бы она с пеной у рта клялась, что Саша весь вечер был дома, это вряд ли что-то изменило бы. Генетический анализ спермы подтвердил, что она принадлежит Климчуку, а почерковедческая экспертиза — что именно он

писал злосчастную записку.

Улики железобетонные, тут даже если здоровый человек станет талдычить о своей невинности, ему вряд ли кто поверит, а уж если дурачок – то и подавно.

Зиганшин поморщился от собственного высокомерия. Бедняга Климчук не виноват ни в том, что энцефалитный клещ выбрал именно его из всего пионерского отряда, ни в том, что отец умер, а мать состарилась, и некому стало за ним смотреть. Он – больной человек, и нельзя его ни в чем обвинять, а можно только пожалеть, и защитить людей от него, а его – от людей.

Ладно. На одной чаше весов – непреложные факты, а на другой – только профессиональное чутье Макса, который, видите ли, никак не может вписать убийство в картину климчуковской патологии. Но сколько угодно бывает нетипичного течения заболеваний, не так ли? Нужно теорию подгонять под факты, а не наоборот, и Макс пусть не мается дурью, а изучит случай Климчука, напишет научную статью и успокоится.

«Хотя это действительно странно, – вздохнул Зиганшин, – я не профессор психиатрии, но и по учебе помню, и из практики знаю, что обычно это у маньяков идет по нарастающей. А тут сначала развратные действия, потом они же с убийством, а потом снова только они. Не получил кайфа, что ли? Тогда зачем вообще начинал? А с другой стороны, все жертвы Климчука похожи друг на друга – ухоженные стройные

женщины около сорока лет, и Пестрякова прекрасно вписывается в этот ряд. И с географией все в порядке. Разве что... Да нет, бред, даже думать про это не стану! Не стану, и всё! Если Макс рехнулся от своих пациентов, это не значит, что у меня тоже должна поехать крыша! Потому что идея, что на Пестрякову сначала напал Климчук, а через пять минут другой маньяк, явно пахнет паранойей».

Несколько минут Зиганшин ехал, с преувеличенным вниманием слушая аудиокнигу «Война и мир», и пытался полностью сосредоточиться на злоключениях Пьера Безухова.

Потом чертыхнулся, помянул Макса нехорошим словом, поставил Толстого на паузу и набрал следователя Ямпольскую.

– Привет, Анжел, ты не против завтра в обед пересечься?

* * *

Для первого ужина с Аней Георгий выбрал панорамный ресторан в центре. Он вообще не выносил кабацкой пошлятины, но в этом заведении все было устроено весьма респектабельно, и не приходилось испытывать испанский стыд за пьяных певцов и драчунов.

Сюда приходили спокойно пообщаться и полюбоваться прекрасными городскими видами.

Сегодня шел сильный дождь, темная вода струилась по стеклу и размывала контуры купола Исаакиевского собора.

Огни фонарей мерцали, разгоняя сумерки, в которых уже чувствовалась будущая лазурь апрельского неба. Ливень шумел, сидящий близко к окну Георгий слышал четкую дробь тяжелых капель по крыше флигелька внизу, смотрел на текущий в струях дождя город и улыбался. Первый дождь после зимы пошел в день их первого свидания с Аней, и он не верит в приметы, но это что-нибудь да значит!

Георгий поднял бокал. Аня взяла свой, улыбнулась и слегка пригубила.

Ему все нравилось в этой девушке – красивое серьезное лицо, легкая фигурка и особенно аристократически длинная шея. Нравилось и то, как она оделась на первое свидание: простое черное платье, минимум украшений, гладко убранные волосы – строгий и элегантный вид.

И держалась она тоже строго и элегантно, Георгий давно не видел таких превосходных манер, а у людей младше пятидесяти так и вообще никогда.

С удовольствием посмотрев на тонкую шею Ани, на хрупкие изящные плечи и небольшую высокую грудь, он вдруг подумал, что у нее должны быть красивые дети, и мысль эта оказалась неожиданно приятной.

Снова стать отцом, окунуться в молодость, прыгать под окнами роддома вместе с юными самцами... Хотя сейчас, кажется, во время родов мужьям разрешают быть рядом с женами, а домой выписывают даже раньше, чем на третий день.

Георгий перевел взгляд на окно и в сбегающей по стеклу

воде вдруг ясно увидел будущее: они идут по аллее вдоль Исаакия к Медному всаднику. Ранняя осень, сухие листья уютно шуршат под ногами и шинами детской колясочки, которую он катит, любуясь безмятежным личиком малыша, уснувшего под ласковым осенним солнышком. Рядом идет Аня, красивая молодая мать, а по другую руку – Алешка, старший сын. Уже взрослый парень, он понял отца, принял мачеху и полюбил маленького брата. Идиллическое будущее, утопические мечты, но осуществить их вполне под силу человеку.

Он подумал, что Аня, несмотря на молодость, отлично впишется в компанию его друзей, с ней не стыдно будет появиться хоть на вечеринке, хоть на официальном приеме. Тут Георгий вспомнил про Аниного отца и чуть погрустнел: с таким тестем еще неизвестно, кому за кого будет не стыдно.

Тут подошел официант с закусками, и Георгий сообразил, что замечтался.

– Я так давно не ходил на свидание, что не знаю, как вести разговор, чтобы вам было интересно, Анечка, – сказал он.

Аня улыбнулась уголком рта:

– Можем поговорить о книгах.

Георгий отметил, что она не ухватила за слово «свидание», не стала расставлять точки над «i», – «ах, так у нас свидание?», – и мысленно поставил Ане еще один плюс.

– Я мало читаю, – ответил он, – и мало в моем случае

значит почти ничего.

– А я много. И в моем случае это означает слишком много. – По Аниному лицу пробежала то ли тень, то ли тонкая улыбка. – Иногда мне хотелось бы иметь меньше времени на книги.

Георгий подлил вина в бокалы:

– Давайте выпьем за то, чтобы ваши желания осуществились.

– Не могу не вспомнить пословицу «бойтесь своих желаний».

– А вы никогда не были замужем, Аня? – спросил Георгий напрямик.

Она покачала головой:

– Никогда, а вы разве не знаете? Не навели обо мне справки?

– Что вы, Анечка! Никогда не злоупотреблял служебным положением в личных целях.

– Я имела в виду, – безмятежно улыбнулась Анечка, успокаивая взволновавшегося Георгия, – что наши родители дружат с юности, и ваша мама знает обо мне ровно столько, сколько я сама о себе знаю, а возможно, даже больше.

Георгий картинно развел руками и заметил, что непосредственность восприятия является его принципом во всем.

– Я тоже не воспользовалась оперативной информацией родителей, – сказала Аня.

Она смотрела на Георгия доброжелательно и открыто, за

окном шумел дождь, нашептывая что-то обнадеживающее, а в зале почему-то никого не было, кроме них двоих, и Георгий решился:

– Анечка, я бы очень хотел продолжить наше знакомство, но для этого, думаю, нам необходимо обсудить мое семейное положение.

– Вот как?

– Да, Аня. Я вдовец, жена погибла насильственной смертью, и любые недомолвки тут могут все испортить.

Аня пожала плечами:

– Георгий, мне все известно. Я ведь контролировала, чтобы ни малейшей информации о Карине Александровне не просочилось в прессу.

– А я так и не поблагодарил вас, – смутился Георгий. – Спасибо, Аня.

– Это моя работа.

Улыбнувшись ему так, что стало ясно – тема исчерпана и закрыта, Аня взяла в руки вилку и нож и принялась за салат с рукколой. Она ела так красиво, что Георгий засмотрелся – сейчас это редкое умение. Снова в голове развернулись картины будущего: вот они обедают всей семьей, и Алешка, глядя на мачеху, тоже начинает есть как человек.

Георгий спросил, где она училась, и когда выяснилось, что тоже на юрфаке, всякая натянутость между ними исчезла. Они с упоением вспоминали старых профессоров, разные интересные случаи, которые происходили во время уче-

бы Георгия, а при Ане уже передавались как легенды, и так увлеклись, что засиделись почти до закрытия.

В такси Георгий отважился только на то, чтобы пожать Ане руку. Она ответила и, кажется, была готова пригласить его к себе. Или просто ей хотелось, чтобы он захотел остаться.

«И в принципе, – думал Георгий, слегка пьяный от близости по-настоящему красивой женщины, – это нормально. Мы знакомы очень-очень давно, хоть и мало, но фактически старые друзья, и не знаю, что она думает, а у меня все серьезно...»

Он проводил ее до квартиры, и теперь Аня стояла на пороге, спокойно и чуть насмешливо глядя на него. Достаточно было легкого намека, чтобы она пригласила его войти, но Георгий отступил к лифту.

«Пусть все будет красиво, – решил он, – чтобы потом мы могли рассказывать правду нашим детям, когда они начнут спрашивать, как папа познакомился с мамой».

Выйдя на улицу, Георгий обнаружил, что дождь прошел, забрав с собой остатки лежалого снега, и чистый мокрый асфальт нарядно блестит в свете фонарей, а влажный воздух дышит свежестью.

Сообразив, что успевает на метро, он быстро зашагал в сторону «Чкаловской». Будто вернулся в юность, в то время, когда был влюблен так, что казалось, оттолкнется от земли сильнее – и полетит...

Зиганшин помог Анжелике сесть в машину.

– Пироженку взять тебе или опять худеешь?

– Да уж возьми. Не до фигуры тут.

Кивнув, он зашел в кафе и купил навынос два огромных стакана латте, пару эклеров для Ямпольской, а себе какую-то штуку в лаваше с веселенькой оборочкой из салатных листьев.

Можно было просто посидеть в этом уютном заведении, но конфиденциальность превыше всего.

Он свернул в арку и припарковался в первом попавшемся тихом дворе, благо что день и все жители уехали на работу на своих машинах.

Зиганшин приоткрыл окно, впустил в салон сырой весенний воздух, пахнувший то ли рыбой, то ли свежестью, и откусил от своего лаваша.

– Ну что? – спросил он с набитым ртом.

Ангелика выдержала долгую театральную паузу.

– Ты понимаешь, родной, что Пестряков в случае чего нас на кол наденет? Особенно тебя, – сказала она наконец.

Зиганшин вздохнул и ничего не ответил.

– Я, конечно, обставилась, что все это ради опыта, но не могу же я до старости под дурочку косить, сам понимаешь. Умище-то куда я дену?

Зиганшин поймал каплю майонеза, сорвавшуюся с его обеда, и подумал, что питаться в машине, вообще-то, свинство и дурной тон.

– Умных не любят, так что ты все правильно делаешь, Анжел. Главное, ты по существу нарыла что-нибудь?

Анжелика приосанилась:

– Я тебе как мать трех дочерей скажу: пусть этот хмырь остается там, где он есть, как можно дольше, а в идеале навсегда. Сейчас он под присмотром, и слава богу, а убивал или нет – не так уж и важно. Главное, не бегает по городу и ни об кого не трется. Цель достигнута.

– Но...

– Хорошо, что зимой, а если бы летом? Прямо на тело бы извергал, фу, гадость какая! Вот зачем подумала, я же ем! – Анжелика поморщилась и поставила коробочку с пирожным на торпеду.

Зиганшин демонстративно откусил от своего бутерброда, чтобы показать, что он человек стойкий.

– Это не изнасилование, конечно, в полном смысле слова, но травму женщине может нанести такую, что будь здоров! Ты мужик просто, и не понимаешь.

– Куда мне...

– Ну и все. Псих в психушке, Пестряков отгоревал, куда ты вообще лезешь? Зачем? Хочешь выпустить из-под надзора извращенца, помучить хорошего мужика, просрать собственную карьеру, потому что Пестряков мужик реально хо-

роший, но не идеальный, и копания в своем грязном белье не простит, и ради чего? А главное, на каком основании?

– Я тебе говорил.

– Да-да, помню. Твоему другу психиатру что-то там помешалось. Так ничего удивительного, если он полжизни с дураками провел.

– Ну вот, знает их повадки.

– И перенял. Ты хоть одного нормального психиатра в своей жизни видел, родной? У них там кто первый халат надел, тот и врач.

– Давай, кати бочку на хороших людей.

– Короче, дорогой мой, там все чисто. Следствие проведено на отлично, это при том, что с такими уликами, как генетический материал – и записка, можно было вообще ничего не делать и нигде не искать.

– Ладно.

Ямпольская внимательно посмотрела Зиганшину в глаза:

– Что, вот так вот просто ладно, и всё?

– Всё.

– И ты не будешь больше нигде копать?

– Не буду.

– В чем подвох?

– Да все норм, Анжела. Тайны женской души мне, естественно, не доступны, но рискну предположить, что все-таки дамы предпочитают, чтобы о них лучше просто потерлись, чем убили. А если Климчук не убивал, то душитель где-то

бегают на свободе и может повторить. Вот и вся моя логика. Но раз ты говоришь, что все в порядке и сомнений в его виновности нет, то я очень рад. Мне, знаешь, тоже есть чем заняться, кроме как вносить свой скромный вклад в психиатрическую науку.

Анжелика вдруг нахмурилась и вернулась к недоеденному эклеру. Зиганшинпил кофе и размышлял о всяких житейских делах, не торопясь в обратный путь. Он смотрел на детскую площадку с яркими разноцветными горками и качелями, на ребятишек и мамаш и думал, что купит квартиру в этом самом дворе, почему нет. Или в другом, поближе к Анжелике, чтобы дружить семьями именно так плотно, как она привыкла в своем военном городке. Или найти квартиру в доме прямо напротив отдела – и хулиганов нет, и на работу близко. Зиганшин вздохнул: все зависит от мамы, а у него самого с деньгами полный швах. Получка – грех жаловаться, но ведь жена и пятеро детей, и шестой скоро будет, если суррогатная мамаша не взбрыкнет в последний момент. Зиганшин поморщился. Проект, придуманный женой Фридой: зачатый в пробирке ребенок вынашивается суррогатной матерью, с которой заключили договор и изрядно ей заплатили, ему не нравился, но когда это женатый человек делает то, что ему по душе? Вот именно никогда.

Фрида вдруг решила, что пятерых приемных детей ему для счастья недостаточно, обязательно нужно еще одного, родного, плоть от зиганшинской плоти, так сказать. Это ка-

залось ему несправедливым по отношению к жене и не хотелось, чтобы какая-то чужая баба вынашивала его ребенка, и вообще надо жить по-христиански, то есть довольствоваться тем, что дает Бог, и не пытаться обмануть природу, выторговывая себе счастье разными кривыми путями. «Все это, конечно, очень интересно, – сказала Фрида, – но встал и пошел в центр планирования семьи. Остальное по дороге расскажешь».

И Зиганшин встал и пошел, поставив только одно условие – он никогда не узнает, кто выносил его ребенка. Он очень боялся, что женщина захочет оставить ребенка себе, и не совсем понимал, что станет делать в этой ситуации. Отпустит с миром или... А между тем любое «или» будет безнравственно, потому что у него пятеро детей, которым он обязан посвятить все свои силы и заботы.

Фрида зря все это затеяла, и хуже всего, что еще больше полугода ему жить на горячей сковородке неопределенности.

За это время надо решить с квартирой и купить максимально просторную. Придется продать любимый джип и взять автомобиль попроще. Сильно попроще, потому что кататься каждый день в деревню больше не будет необходимости, а до супермаркетов можно и на отечественном автопроезде доехать.

Черт, он уж и подзабыл вкус бедности. Точнее, стесненности в средствах, потому что до настоящей бедности ему, к

счастью, очень далеко. Просто много лет привык жить, все себе позволяя, и теперь трудно перестраиваться. Раньше хотел квартиру – пожалуйста, крутую тачку – нет проблем, потянуло к корням – вот тебе, Митенька, дом в деревне. А сейчас, с детьми и моральными ценностями, приходится носки себе штопать.

Теперь Зиганшину казалось странным, как это он так непринужденно вписался в систему и много лет без тени стыда или раскаяния занимался разными неблагоприятными делишками. Он рос в семье глубоко порядочных людей и в юности был чист душой, а потом любимая девушка Лена не дождалась его из армии, вышла за состоятельного человека, и пламя юности угасло в Мстиславе Зиганшине под натиском чего-то холодного и тягостного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.